

Глава 1

Я съежилась в кресле, поджав озябшие ноги. В камине потрескивал огонь, но я все никак не могла согреться, трясаясь от озноба, и в тишине кабинета мои зубы стучали особенно громко. Кто бы мог подумать, что моя брачная ночь закончится так?

Я заставила себя отвести взгляд от капель крови на подоле белой сорочки и посмотрела на открытую бутылку на низком столике. Потянувшись, взяла ее и, понюхав, сделала большой глоток.

— Соberись, — приказала себе вслух.

Хотелось выть и метаться по комнате, но какая-то потаенная часть меня испытывала злобное удовлетворение. Мой муж умер, не дойдя пары шагов до брачного ложа, и я вовсе не собиралась горевать.

Эти мгновения навеки отпечатались в моей памяти. Гевин Доксвелл, тучный мужчина пятидесяти девяти лет от роду, шел ко мне, ухмыляясь и возясь с массивной пряжкой ремня. В седой бороде застряли крошки, а кончики усов слиплись от вина. Потом он остановился, стянул штаны до колен и горделиво уставился на меня, свою жену.

Может, это я виной тому, что было дальше? Потому что тогда я отчаянно взмолилась избавить меня и от ненавистного мужа, и от брака, и от всего, что это значило.

— Давай, жена, — произнес Гевин. — Иди сюда и... хррр... хррр...

На миг я понадеялась, что он уснул стоя, как мул, но пороссячи глазки Гевина, наоборот, выпучились, едва не выскакивая из орбит. Его щеки побагровели, он схватился за грудь, кашлянул кровью, забрызгав подол моего пеньюара, и упал на кровать лицом вниз.

Я облизнула губы, терпкие от вина, что оказалось в бутылке.

Итак, я вдова?

Быть может, кого-то это слово пугало, меня же наполняло радостью. Оно означало свободу — от мужа, от дяди, от всех тех мужчин, которые желали распорядиться моей жизнью.

Однако было одно «но», которое озвучил помощник Гевина, прибежавший на мои вопли. Он спросил, был ли консумирован брак.

Я перестала дрожать и, намотав на палец волосы, задумчиво покусала кончик прядки — дурацкая привычка, из-за которой у лица вечно пушились короткие завитки.

Слуга вызвал доктора, тот констатировал смерть. Следом явился старший сын моего покойного мужа и, уточнив, правда ли тот скончался, задал аналогичный вопрос.

Дядя не особенно заботился о моем образовании, но я находила в книгах спасение и перечитала всю домашнюю библиотеку. И теперь я понимала, что по законам Карафиса мой брак не считается действительным. Значит, я не вдова? Перед свадебной церемонией целители проверили мою невинность, и та до сих пор при мне. Теперь меня осмотрят еще раз и вернут дяде, как товар, который не успели использовать. А дядя снова продаст меня какому-нибудь богатому старику. Во второй раз, наверное, подешевле.

Стрельчатое окно скрипнуло, и я вжалась в кресло теснее. Из темноты появилась рука, осторожно открыла окно шире и переставила в сторону цветочный горшок, следом в щель протиснулась голова, широкие плечи, спина, и наконец целый мужчина бесшумно как кот скатился на пол и огляделся.

— Доброй ночи, господин вор, — сказала я, и мужчина подпрыгнул на месте от неожиданности.

— Тьфу ты, напугала, — пробормотал он, выпрямляясь. — Чего тут сидишь?

— А вы... чего...

Мы пристально рассматривали друг друга, и я запахнула халат плотнее. Вор оказался молодым, со спутанной копной темных волос, правильными чертами лица и светлыми даже в полумраке глазами, которые как будто слегка сияли, отражая огонь.

— Вы ищете что-то конкретное? — спросила я. — Быть может, я могу вам помочь?

— Ты не собираешься кричать? — уточнил он.

Я помотала головой.

— Впрочем, все равно никто не услышит, — нарочито беспечно сказал вор, не сводя с меня глаз. — Твой господин сейчас слишком занят молодой женой, а остальные слуги пользуются моментом и доедают угощение с праздничного стола. Тебе бы тоже не помешало.

Принял меня за прислугу? Халат, который на меня накинула сердобольная служанка, и правда выглядел не слишком роскошно. Тем временем вор прошелся по кабинету и, с хозяйским видом открыв створки шкафа, принялся в нем рыться. Насколько я заметила, мой покойный муж был тем еще барахольщиком. Его кабинет оказался набит безделушками: пепельницы, шкатулки, вазы, фарфоровые фигурки — все полки заставлены. Может, и меня Гевин Доксвелл

приобрел просто потому, что цена оказалась подходящая?

— Боюсь, что вы ошибаетесь, — вежливо сказала я. — Я и есть молодая жена.

Вор остановил свои поиски и обернулся. Темные брови удивленно взлетели вверх.

— Госпожа Доксвелл?

— Вроде того, — угрюмо ответила я. — Вдова. Наверное.

— Старый козел помер? — воскликнул вор и, прижав пальцы к губам, покосился на дверь.

— Так и есть, — подтвердила я, рассматривая нежданного гостя.

Молод и, пожалуй, красив. Хоть это и не важно.

— Как? — тихо выдохнул он. — От чего?

— Не знаю, — пожала я плечами и, подумав, не стала поправлять сползший халат. — Он пришел в спальню, снял штаны, упал на кровать и умер.

Взгляд мужчины метнулся к вырезу, в котором виднелось белое кружево пеньюара. Конечно, то, что я собираюсь сделать — очень неприлично, вопиюще постыдно, немыслимо, но что еще остается? Может, само провидение прислало мне возможность получить вождеденную свободу?

Я сделала еще один большой глоток прямо из бутылки и, поморщившись, облизала губы. Озноб прошел, тепло растеклось по телу, а вместе с ним отчаянная бесшабашность.

— Что ж, соболезновать не буду, — заявил вор. — Раз уж ты предложила помощь... Не видела такой сверкающий кулон на толстой цепочке? Камень зеленый и как будто искрит, заключен в оправу, но она не представляет особой цены...

— Видела, — сразу ответила я. — Я знаю, где он лежит.

В кармане моего халата. Муж подарил мне кулон на свадьбу и приказал носить его не снимая. Я стащила тяжелую цепь сразу после того, как Гевин повалился на кровать, а потом сунула кулон в карман.

— И ты отдашь его мне? — вкрадчиво спросил вор, подходя ближе.

Я опустила ноги на пол, сложила руки на коленях, как благопристойная дама, и ответила:

— Да. В обмен на услугу.

— Вот как? — Он сел в кресло напротив и посмотрел на меня с любопытством.

Поначалу я решила, что он совсем юный — из-за легкости движений и ловкости, но вор, пожалуй, был лет на пять старше меня. Прямой нос, светлые глаза, обрамленные черными ресницами, правильные черты. На скуле свежая ссадина, а спутанные выющиеся пряди так и хочется расчесать. Преступник, но куда привлекательнее старого толстого Гевина, с которым я должна была провести эту и последующие ночи.

— Чего же ты хочешь? — спросил мужчина.

— Украдите мою невинность, — попросила я.

* * *

Все шло по плану. Козел Доксвелл обвенчался с какой-то дурехой в часовне собственного поместья, отпраздновал внизу, в бальном зале, и к полуночи гости разъехались, а в доме погасли огни. Все должны были спать, утомленные торжеством, и Коста уверился, что дело на мази, когда вдруг из кресла появилась девчонка, а потом выдала такое, что он переспросил, надеясь ослышаться:

— Что ты сказала?

— Укради мою девственность, — потребовала она и замолчала.

Ее глаза лихорадочно блестели, на щеках горел румянец. Совсем молоденькая, хорошенькая и говорит, кажется, всерьез.

— Я бы хотел глубже войти, так сказать, в курс дела, — хмыкнул он.

— А я бы не хотела вдаваться в детали, — отрезала она. — Согласен? Нет? Может, кулон тебе не особо нужен?

— Откуда я знаю, что он у тебя? — спросил Коста, расставляя колени и окидывая девушку нарочито похабным взглядом. — Вдруг просто хочешь повеселиться, а? Раз уж брачная ночка не задалась.

— Я бы не стала врать, — ответила девушка с таким высокомерным достоинством, как будто это не она только что предложила ему переспать. — Честный обмен. Ты мне, я тебе.

Она вынула из халата кулон, и Коста, взвившись с места, выхватил его из ее руки. Девушка посмотрела на свою ладонь, потом на него, и ее губы обиженно задрожали.

— Прости, милая, у меня и так выдалась насыщенная ночь, — пробормотал Коста, пряча кулон в карман, но отчего-то не спеша уходить.

— Я буду кричать! — с отчаянием пригрозила она, вскакивая с кресла. — Тебя поймают!

— Ну, знаешь, если бы мы все же сделали это, ты бы тоже кричала, — заметил он.

— Я умею терпеть боль, — скупно ответила она, и Коста чуть не поперхнулся очередной сальной шуткой.

— Я имел в виду — от удовольствия, — пояснил он, и вдовушка Доксвелла посмотрела на него с такой смесью насмешки, недоверия и удивления, что ему тут же захотелось задержаться на часок-другой и доказать, что он не врет. — Зачем тебе это? — спросил он совсем другим тоном.

— Потому что тогда я буду вдовой! — воскликнула она и, заломив руки, принялась ходить туда-сюда. — По-настоящему!

Ее халат распахнулся, и кружевной пеньюар окутал стройные ноги белой пеной.

— Гевин умер, не успев... Ну, ты понимаешь, — торопливо объясняла она. — Теперь наш брак признают недействительным. Все меня спрашивали — консумирован ли брак. Но я была в таком шоке, что и слова сказать не могла. А ведь они не отстанут! И когда поймут, что я так и осталась невинной, то отправят назад к дяде. А он опять выдаст меня замуж за какого-нибудь богатого старика!

Она остановилась и с мольбой посмотрела на Косту.

— Пожалуйста, — попросила она. — Ты ведь знаешь, что надо делать?

— Имею некоторое представление, — хмыкнул он. — Но...

— Это не займет у тебя много времени.

— Ну...

Встрепенувшись, девушка быстро вынула из ушей сережки.

— Вот, — протянула на ладони колечки, усыпанные сверкающими камешками. — Бери. Настоящие бриллианты. От мамы остались.

Коста рассмеялся. Дожил! Ему, наследнику великого рода, Вардену Лувию Косте эль Брао, потомку Эдры Первого, носителю искры, предлагают потрахаться за сережки. Наверняка еще и камни не самой чистой воды.

Губы девушки вновь обиженно задрожали, но она продолжала протягивать ему серьги, и Коста невольно почувствовал восхищение. Не сдастся, несмотря ни на что. Смелая, решительная и, что скрывать, при-

влекательная. Она напоминала ему лисичку. Худую, затравленную, но еще способную огрызаться и не потерявшую надежду на спасение. Волосы с медным отливом, треугольное скуластое личико, нежные губы с загнутыми вверх уголками — она могла быть легкой, смешливой девчонкой, вызреть в настоящую роскошную красавицу, но ее отдали на потеху Доксвеллу, который похоронил уже трех жен. Семейный кулон оттягивал карман, и, по-хорошему, Коста должен был бежать домой, но почему бы не оказать даме маленькую любезность?

Устав ждать ответ и потеряв веру в успех своей аферы, она вернулась в кресло и теперь, отхлебнув из початой бутылки, хмуро смотрела в огонь. Сережки, впрочем, поблескивали на краешке стола. Вроде как предложение в силе.

Осмотревшись, Коста подошел к двери и задвинул засов, затем снял плащ и постелил его на шкуру у камина. Девушка оторвала взгляд от огня и, когда Коста стал неспешно расстегивать пуговицы, быстро облизнула губы. Он снял рубашку, бросил ее на пустующее кресло, и глаза незнакомки расширились.

— Тебя как зовут? — спросил он.

— Элис, — тихо ответила она, не отводя от него взгляда. — А тебя?

— Коста, — назвал он зачем-то свое домашнее имя.

— Значит, ты согласен? Сделаешь это? Здесь? — неуверенно спросила Элис, кивнув на плащ у камина.

— Предлагаешь вернуться в супружескую спальню?

Она быстро помотала головой и, встав, медленно выпуталась из слишком большого для нее халата. Взялась за бретельки пеньюара, но так и не смогла его сбросить. Коста подошел к ней, остановился напротив, отвел ее руки вниз. По хрупкому плечу змеилась багровая полоса, и, заглянув за спину де-

вушки, Коста едва сдержался, чтобы не выругаться: узкую спину полосовали свежие шрамы. Понятно, отчего она готова на такие отчаянные меры.

Элис покусала губы, решительно сдвинула бретельки, и пеньюар сполз к ее ногам. Неудивительно, что старика удар прихватил. Плавные линии, чистая нежная кожа, высокая грудь, довольно большая для худенького тела. Накрыв ее ладонью, Коста слегка сжал пальцы, и Элис вздрогнула и слотнула. Он взял ее за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза.

Ее глаза оказались голубыми, с золотистыми крапинками у зрачков. Коста таких раньше не видел.

— Я не сделаю тебе больно, Лисичка, — пообещал он и поцеловал ее.

* * *

Теплое прикосновение упругих губ. Ласковые пальцы на моей шее. Чужое дыхание в моем рту. Это и правда происходит. Я разделась перед незнакомцем, я выторговала у него согласие. Но отчего же он не спешит? Коста целовал меня долго, осторожно, раздвигая мои губы своими, трогая их языком. Уверенные пальцы слегка массировали мой затылок, гладили шею, и постепенно я расслабилась и даже обняла его, потому что мои ноги ослабели, и вся я как будто растаяла под теплым солнцем.

Отстранившись, Коста отошел на пару шагов и снял брюки, а я сперва потупилась, но потом бесстыдно посмотрела прямо на него. У дяди в библиотеке была медицинская энциклопедия, и я тайком прочитала ее от корки до корки. Гевин Доксвелл совсем не походил на картинки со страниц старой книги, а вот Коста оказался живой демонстрацией идеального мужского тела. Без одежды он казался

крупнее: крепкие мышцы, рельефный пресс. И ниже живота у него все было совсем по-другому, не как у Гевина. Куда больше и... бодрее, что ли.

Бросив брюки на кресло, Коста вновь подошел ко мне, и я, сглотив, инстинктивно попятилась.

— Передумала?

Я быстро покачала головой и перешагнула через пеньюар, который остался лежать на полу. Коста закинул мои руки себе на шею и поцеловал снова, на этот раз куда настойчивее. Его язык проник глубоко в мой рот, а ладони легли на бедра, притягивая ближе, прижимая к горячему мужскому телу, желающему совершить соитие — так это описывалось в энциклопедии. Женщине отводилась пассивная роль: предлагалось расслабиться и не мешать проникновению. Однако Коста вовсе не спешил переходить непосредственно к делу. Оставив мои губы, он поцеловал шею, еще и еще, лизнул ключицу и осторожно коснулся губами кончика шрама, оставленного дядиной плеткой.

Что сказать, я не хотела выходить замуж, но дядя умел убеждать.

— Ты красивая, — хрипло сказал Коста, глядя на меня с неприкрытым восхищением.

Может, поэтому вопреки совету «не мешать», написанному в энциклопедии, я запуталась пальцами в темных волосах и, притянув Косту, поцеловала его сама. Неловко и неумело, но он охотно откликнулся. Его руки блуждали по моему телу, лаская, трогая, сминая.

Он уложил меня на свой плащ, постеленный поверх медвежьей шкуры, и атласная подкладка охладила спину, а от камина дохнуло теплом. Исцеловал мою грудь, и внизу живота как будто растекся горячий мед. А потом его пальцы переместились вниз, и я судорожно вздохнула от непристойных, дразня-

щих ласк. А когда он наконец вошел в меня, нависая надо мной всем телом, я и правда едва сдержала крик, хотя короткая боль очень быстро прошла. Но ощущение наполненности было таким ярким и влекло за собой какие-то новые желания, которые я пока не умела понять.

— Все? — прошептала я, переведя дыхание.

Мои ладони упирались в твердую широкую грудь, и я слышала, как ровно и быстро бьется его сердце. Коста оторвал взгляд от места, где наши тела соединялись, и посмотрел мне в глаза.

— Я собираюсь полностью выполнить свою часть сделки, — ответил он и стал неспешно двигаться во мне, а я, ахнув, прикусила губы, чтобы не застонать, и рефлекторно выгнулась ему навстречу.

Он сплел свои пальцы с моими, завел руки мне за голову, и в этой беззащитности и открытости перед ним было нечто такое, отчего меня бросило в жар. Коста целовал меня, и его дыхание опаляло мои губы, шею, грудь, которая слегка колыхалась при каждом его толчке. Я шикнула сквозь сжатые зубы, и Коста тут же остановился.

— Больно? — обеспокоенно спросил он, заглянув мне в глаза.

— Спина, — виновато пояснила я.

— Прости.

Он отстранился, и я испытала странную смесь чувств: облегчение — ведь я получила, что хотела, смущение и... сожаление, что все закончилось так быстро. Однако Коста вдруг перевернул меня на живот, и я вцепилась пальцами в жесткую шкуру, ощущая, как он вновь заполняет мое тело. Таких картинок в медицинской энциклопедии не было, и мои мысли металась как пойманные птицы. Так можно? Так правильно?